

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Женя Крамаренко один из самых уважаемых людей в Саморядово. Многие даже не верят, что он совсем слепой

Человек-оркестр из Саморядова

Некоторые встречи нельзя пропустить. Если пропустишь, жизнь потеряет какую-то очень важную для нее, необходимую красоту. Одна такая встреча случилась у нас в деревне под Курском.

— Мы с мужиками поспорили, что я смогу проехать на мотоцикле с коляской. Они мне: «Не проедешь!» Представляете, воскресенье, толпа народу у клуба стоит. Я беру ключи, заводю мотоцикл. Сзади сын садится. Говорю: «Положи мне руки на плечи и надавливай. Левый поворот — на левое плечо, правый — на правое». Поехали. объехали вокруг клуба, доехали до школы и вернулись обратно. Теперь многие не верят, что я совсем слепой...

Женя Крамаренко потерял зрение в 11 лет. Бежал по темному коридору школы, не заметил открытую дверь класса и сильно стукнулся лбом. Ему сделали восемь операций. Некоторое время он еще видел. Потом видел только солнечный свет. Потом ослеп полностью, но все цвета из мира «зрячего» помнит очень хорошо. Любит жизнь. И все делает сам.

Как в Саморядово узнали, что приехал музыкант, все сразу пошли на него смотреть. Настоящий музыкант с образованием для курской глубинки — редкость. А Женя — слепой музыкант. И вначале, пока они с женой Светой устраивались, все помогали — шли и несли: кто курочку на развод, кто — яички, кто — молоко. Снарядили целую телегу и складывали туда морковь, свеклу. Девять мешков одной картошки подарили, чтобы огород посадить. В Саморядово вообще живут открыто, душевно. У многих замков на дверях нет. А калитки вообще никто не запирает: если уходят, подпирают калитку палкой. Мол, не ищите нас, никого нет. Только музыкантов в деревне не было.

А Женя играет. На баяне. На гитаре. На синтезаторе, который подарил тесть (продал свой старый «Москвич» за три миллиона). С этим синтезатором Женя стал «человеком-оркестром». Создал музыкальный коллектив. В школе, где преподает музыку, организовал два детских ансамбля. И жизнь в деревне переменилась. Женя стал необходим всем. И без артистов ни одна свадьба, ни один праздник не проходили. Народ приезжал со всего района. И когда саморядские артисты ездили в другие деревни на концертах яблоку негде было упасть. А на Новый год Женя с Светой устроили бал-маскарад с костюмами, танцами — такого здесь еще не бывало.

Но однажды, возвращаясь с концерта в гололед, Женя упал и сломал синтезатор. Беда для всех.

Этот синтезатор «Ямаха» был к тому времени уже не новым. Женя его перебрал своими руками, подмотал даже кусок провода. Если бы японцы посмотрели, что он с их аппаратурой вытворяет, у них бы волосы дыбом встали. Но тут музыка вовсе кончилась. Кроме Крамаренко никто в деревне не играет. А в одиночку на баяне или на гитаре современную эстрадную музыку исполнять трудно. И танцы не особенно получаются.

И тогда Женя написал нам письмо. Услышал по телевизору, как рассказывали про фонд помощи и про хороших людей, и написал. Просил не денег, а синтезатор, хотя бы и подержанный.

Жене прислали полтора миллиона («старыми»). Он их берет: чтобы купить новую простенькую «Ямаху», нужно как минимум три двести. А предел Женяных мечтаний — Yamaha PSR-50 — стоит в Курске 4821 «новыми».

Женя, когда поет, закрывает глаза. Голос у него хороший:

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Синий-синий иней лег на провода,
В небе темно-синем синяя звезда...

В Саморядово музыканту помочь не могут. Денег бывшим колхозникам не платят совсем (выдали только под Новый год по 100 тысяч старых рублей на брата). А так все держатся за счет своего хозяйства. А Крамаренко, если бы мог, сам бы сделал этот синтезатор. Он хозяйственный: подвел к своему дому газ и воду. Но тут музыка — материя тонкая.

Спасибо, добрые люди!

Вы выручаете многих людей из безвыходных ситуаций. Иногда речь идет о еде и одежде, иногда о жизни и смерти. Пятнадцатилетнему Сереже Николаеву из Амурской области, погибающему от последствий черепно-мозговой травмы, отправили 25 тысяч «новых» рублей. Эти деньги оказались той самой недостающей суммой для того, чтобы Сережа смог лечиться в немецкой клинике, где в 65 случаях из 100 умеют побеждать его болезнь.

Вы откликнулись на горе горняцких семей, чьи кормильцы погибли 2 декабря прошлого года при взрыве метана на новоконзнецкой шахте «Зырянская» в Кемеровской области. К моменту сдачи этого номера в печать шахтерским семьям вы перечислили свыше 250 тысяч деноминированных рублей.

Марине Жуковой из Удмуртии Наташа из Москвы отправила тысячу рублей (чтобы спасти ногу, Марине нужна еще одна тысяча).

Многодетной безработной Ларисе Ерпаловой из Свердловской области москвичи Владимир и Жанна перевели 1600 рублей. А Генрих из Екатеринбурга выслал Ларисе Владимировне 100 рублей и обещает теперь помогать ей каждый месяц.

Алле Выборовой в Архангельскую область Светлана, Лена, Ольга Васильевна, Анна с подругами, а также Женя из Санкт-Петербурга отправили посылки с детской одеждой и обувью.

Ростовчанка Инна Ковальчук получила от Светланы и Жанны 5,3 тысячи рублей на лекарство для 10-летнего сына Сережи, страдающего вирусным гепатитом.

Лилия Викторовна, Миша и Лена, а также супруги Ивановы оплатили (5 тысяч рублей) два курса московского лечения маленькой Ксюши, внучки Валентины Филипповны Новиковой. Первый январский курс лечения оказался чрезвычайно удачным. Как сообщает бабушка, Ксюша научилась сама садиться, стала ползать и впервые заговорила!

Мы все время сомневались в способностях железной дороги доставить из одной точки России в другую в целостности, скажем, швейную машинку. А вот Светлана Алексеевна Антонова из Туапсе не сомневалась: отправленная Татьяне Аркадьевне Лукашиной швейная машинка отлично доехала до Новосибирска. О чем нам и сообщили Лукашины.

Галине Александровне Соколовой из Пермской области (эта женщина одна воспитывает троих неизлечимо больных сыновей) москвичка Ира отправила тысячу рублей.

А еще вас благодарит священник Георгий Чистяков, который вместе с группой милосердия опекает пациентов Республиканской детской больницы.

«В последний год, — пишет отец Георгий, — отчаявшиеся родители больных детей часто обращались в ваш Российский фонд помощи, в журнал «Домовой», и каждый раз получали отклик. Собраны необходимые суммы, вплоть до 10 и более тысяч долларов. Из этого опыта мы вынесли стойкое убеждение, что скром-

ные и тихие призывы могут обрести колоссальную силу. Помогая друг другу, мы обнаруживаем связи, которые делают мир единым, спасая его и каждого из нас от катастрофы».

Еще раньше отец Георгий написал нам, что больнице очень нужен микроавтобус.

«Многие дети лежат в клинике годами, мы вывозим их в театр, на праздничные утренники, на природу. Существует еще и проблема похорон. Говорить об этом невыносимо тяжело: гроб, одежда, перевозка — все это требует непосильных для многих родителей затрат. Для доставки гроба к вокзалу или в аэропорт нужен микроавтобус».

На просьбу откликнулось акционерное общество «ВНИИЭФ-Конверсия» из города Сарова Нижегородской области, заплатив 78 тысяч рублей за 14-местную «газель».

Еще вы оказали финансовую помощь Ираиде Крикуновой из Подмосковья, Кожевниковым из Вологодской области, Татьяне Мазуренко и Ирине Семеновне Рабизо из Свердловской области, М. В. Волковой из Нижегородской области, Ирине Ивановке из Алтайского края, Петру Семеновичу Семенову из Чувашии, Евгению Ивановичу Крамаренко из Курской области.

И, если вы помните, студентка МПГУ Анна Вершок и ее друзья организовали школу при общественном комитете «Гражданское содействие» для детей-беженцев. И на ее призыв к московским студентам: «Приходите к нам учительствовать!» — отозвались девушки из МХТИ.

Дай вам Бог здоровья и счастья, друзья.

Для тех, кто не читал предыдущие выпуски журнала

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем (публикации начались в октябре 1996 года), а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

Обращается к вам инвалид второй группы. Мне 38 лет, живу с одиннадцатилетней дочерью Еленой. Очень трудно жить на одну пенсию (268 рублей со всеми надбавками) да детское пособие в 58 рублей, которое носят не каждый месяц. А алиментов на Лену я не видела уже два года. Каждый день казнию себя: ведь могла бы зарабатывать и сейчас, на пенсии. И хотя понимаю, что нет моей вины в безденежье, а все казнию и казнию себя. До рождения Лены я работала на швейной фабрике. А уж после родов трудиться на производстве не смогла: оказался искривленным позвоночник, стала сильно болеть спина. Так вот, я бы подработывала дома шитьем — есть ручная старенькая машинка, мне ее еще мама купила, когда жива была. Но нет оверлока, без него высокого качества шитья никогда не будет. С рук у торговцев он стоит 470 рублей, а в магазине все 600. А нам даже на питание не хватает, не говоря уж об одежде. У Лены гиперплазия щитовидной железы, нехватка кальция и белка. Ей бы побольше творога, рыбы и мяса. Она у меня умница и красивая. Сейчас занимается в народном хоре, солистка ансамбля «Тараторочки». А шью я очень хорошо, это мне все соседи говорят. С уважением к вам, Чумичева Людмила Михайловна и Елена. Липецкая обл.

Мне 70 лет. Я инвалид первой группы, с трудом поднимаюсь с постели. Социальный работник дважды в неделю приносит продукты, а хранить их негде. Мой холодильник «Саратов» сработался совсем, вот и портятся пища и лекарства. Пришел в негодность и старенький телевизор, а он да еще телефон были моими единственными окнами в мир. Теперь и телефон стал недоступен, не могу пользоваться дисковым аппаратом из-за сильной деформации пальцев, надо бы протестный кнопочный, да где ж его возьму? Найдите, пожалуйста, добрую душу, кто откликнется и поможет. Брусиловская Анна Григорьевна, г. Москва

Когда убили маму моих девочек, ей было 25, а им — 3 и 8 лет. Отца-убийцу посадили, я не могла пройти мимо горя. Дети были чудесные, и вдруг такая беда. Я забрала девочек к себе. Потом муж от меня ушел. Растить детей помогала моя больная мать, она и сейчас живет с нами. Из гуманных побуждений я не оформила материнство: дети помнили и очень любили родную маму. Она и впрямь была достойным человеком, хорошей матерью. Оформив опеку над детьми и получая от государства жалкие крохи, я по вечерам работала уборщицей, посудницей, старалась, чтобы девочки не видели нужды. А вообще я закончила университет и проработала 33 года, в том числе 12 лет учителем. Сейчас мне 51 год, и я не могу работать, так как, на нашу беду, старшая девочка Яна не может ходить (она инвалид первой группы с детства). Конечно, трудно: жутко не хватает денег ни на что. Госдума издала закон, по которому матери, воспитывающие детей-инвалидов первой группы, идут на пенсию в 50 лет. Вот была бы мне поддержка! Но, хоть я и ухаживаю за Яной уже 16 лет, пенсия в 50 мне не положена: я всего лишь опекун.

Младшая моя, Марина, осталась в Ашхабаде (я еще не сказала: мы вынужденные переселенцы). Она студентка 4-го курса политехнического института. Хорошая, самостоятельная и скромная девушка. Деньги, которые я получаю по опеке, отсылаю ей: на стипендию не проживешь. Закончит институт и тоже приедет в Россию. Уехали мы из Туркменистана только в 1996 году — раньше не получалось. За койки там продали 3-комнатную квартиру (русские уезжают, и жилье там дешево), а здесь купили старую избу с печкой посредине. Дом требует ремонта, нет водопровода и бани. Купаю Яну возле печки в старой железной ванне. На постройку бани надо минимум 6–7 тысяч деноминированных рублей. Да где же их взять? Но что совсем плохо, наш контейнер после двух месяцев скитаний прибыл с разбитым вдребезг холодильником и телевизором. Представляете, каково несчастной девочке коротать дни в четырех стенах? Вы спрашиваете, какая же сумма выручила бы нас? Поверьте, очень трудно просить, сколько люди смогут — на том и спасибо. Высылаю все запрошенные вами справки. Пархаева Тамара Григорьевна, Тверская обл.

У нас обычная семья: папа Сергей Иванович, мама Ангелина Павловна (т. е. я) и дети — Надя семи лет и Илья один-

надцати. Мы все родились в Киргизии. А в 1994 году в поисках работы и лучшего будущего для детей переехали в Россию. Поначалу надежды вроде бы оправдались. Квартиру нам обещали дать «в течение пяти лет». Но теперь, мягко говоря, все изменилось. Живем в общежитии «у черта на куличках», я вожу детей ежедневно в городскую школу за 20 км и потому не работаю. Да и негде! А муж трудится топографом, весь в работе, не вылезает из командировок, но платят все меньше и меньше. Но я сейчас не об этом. Случилась беда с дочкой Наденькой. Врачи обнаружили у нее врожденное нарушение проводимости сердца (полная атриовентрикулярная блокада сердца). Нам сразу же предложили операцию по подключению кардиостимулятора. Еще недавно это была очень живая, любознательная и общительная девочка. О ней вообще невозможно было подумать как о больной. А теперь врачи требуют немедленного подключения кардиостимулятора, иначе прогнозы такие, что я и написать боюсь! Кардиостимулятор стоит \$5910, таких денег у нас нет и взять их негде. Как мне быть, я готова пожертвовать чем угодно, но чем? Я в таком отчаянье, что и не передать. Каждый новый день сознавать, что смерть ходит рядом с Надюшей... Помогите нам! Ангелина Орлова, Нижегородская обл.

В Первой градской клинической больнице Нижнего Новгорода нам сообщили, что состояние Нади за минувший год ухудшилось. Лечащий врач Александр Косоногов сказал, что для предотвращения необратимых изменений в сердце необходима срочная имплантация двухкамерного кардиостимулятора фирмы Pacesseter. «У Нади началось отставание в развитии. Девочка похудела, губки синие. Но, если поставить кардиостимулятор, все разом изменится. Девочка перспективная, никаких проблем, кроме сердечных, у нее нет».

Я хочу попросить, чтобы кто-нибудь помог моей доброй знакомой из Петрозаводска Колгановой Екатерине Михайловне. Ей 47 лет, с 1994 года живет одна, с детства больна миастенией, инвалид первой группы. Пенсия у нее 260 рублей. После внесения льготной квартплаты да покупки двух жизненно необходимых лекарств у нее остается 150. На эти деньги здоровый человек дистрофию заработает быстро, а она так живет годами. У них там не выписывают лекарства по бесплатным рецептам. «Это вы, москвичи, живете как у Христа за пазухой», — сказала она мне по телефону (я изредка звоню ей). Так вот, одно из жизненно необходимых лекарств, преднизолон, стоит 20 рублей (это за 100 таблеток, а ей надо 48 в месяц). А второе, калимин, подороже — 48 рублей за 100 таблеток (месячная потребность 70–80 таблеток). Если Екатерине Михайловне не прийти мать калимин хотя бы день, то у нее отключаются мышцы легких. Вот если бы читатели «Домового» откликнулись и помогли Екатерине Михайловне лекарствами хоть на год, хоть на полгода! Сама я, к сожалению, уже не помогаю, так как живу на пенсию. С уважением и надеждой, Наталья Рыбьякова, Москва

Мою внучку Инну Коваленко (родилась 21 января 1989 г.) в роддоме сделали инвалидом: щипцами был за-

дет двигательный нерв, внесена инфекция. В результате — детский церебральный паралич, она не ходит без помощи. Плюс ко всему врачи не заметили у нее вовремя вывих бедра. Я вынуждена оставить работу и вплотную заняться лечением внучки. У дочери сейчас вторая семья, есть сын 6 лет, мы живем все вместе. Доходы минимальные. Постоянное лечение девочки, а также недавние похороны моей мамы отбросили нас в тупик. Поэтому я вынуждена обратиться к вам за помощью. Просто нет больше сил смотреть в эти умные глазки, видеть, как трепетно она хочет вскочить и побежать. Девочка-то умная, учится почти на одни пятерки.

В настоящее время возникла необходимость в операции (вывих бедра). Однако на консультации Валентин Иванович Дикунь заявил, что прежде следует избавиться от спастичности. Перенапряжение мышц не дает нам встать на ноги и будет огромной помехой при реабилитации после операции. В московском центре «Коверт» один курс лечения по снятию спастичности обходится в 910 рублей, а нам потребуется пять курсов (счет прилагаю). После операции необходимо заниматься на тренажере Дикуня отечественного производства, его цена 1837 рублей. Со слезами прошу всех добрых людей, помогите кто как может. Талашенко Надежда Михайловна, Московская обл.

Друзья, против обыкновения мы публикуем здесь три повторных обращения в Российский фонд помощи. Постоянные наши читатели, по-видимому, уже привыкли, что каждую новую подборку писем «Домовой» предваряет рассказ о том, как людям помогли. Но, к сожалению, помочь удается не всем. Повторных писем в фонд приходит немного, но они есть. Как же с ними поступать? Регистрировать — и в архив? Но люди, чьи письма мы публикуем, как правило, прошли все мыслимые инстанции. Кроме вас им надеяться просто не на кого. Поэтому прочитайте, пожалуйста, и эти письма.

Один раз я вам уже писала. Потом еще от вас заведующая собеса приходила и все выяснила о моей жизни прежней, а также размеры тапочек и пальто. О чем и сообщаю. Обувь моя размеров 36 или 37, а одежда — 46 или 48. Только ничего этого у меня нет. 5 марта 1998 года мне сравняется 79 лет, уже 24 года я на пенсии. Работать на вагоностроительный завод пошла еще в войну, а вот теперь стара и никому не нужна. Раньше была герой, а теперь вверх ногой, четыре года как правое бедро сломала, штырь вставили и мучаюсь. Дом разваливается, живу одна, некому его подремонтировать. Особо печка плоха стала, не греет почти. Пенсия моя 257 рублей, ей только прокормиться, чтоб не оголодать, и можно. Словом, обеднела совсем. Даже тапочек сносных нет, хоть помирай босиком. Все жду от вас весточки. Спасибо, что не забываете нас. Масалова Анна Сергеевна, Алтайский край

«Бабушка старенькая, — сказала нам сотрудница Алтайского комитета по социальной защите населения Валентина Кондратенко, — частично она утратила способность себя обслуживать. Регулярно к ней ходит соцработник: покупает продукты, варит обеды, убирает в доме. Мы помога-

ем как можем, да только возможности крайне ограничены. Главное, чтоб человек не умер с голоду, на большее средств нет».

Уважаемые сотрудники Российского фонда помощи! Пишу вам во второй раз, но все о том же. У моей семилетней дочери Оксаны посттравматическая катаракта. Сейчас дошло до того, что она ослепла на левый глаз. Врачи сходятся на том, что нужна операция. Я возила девочку в Барнаул, ей поставили искусственный хрусталик, но ничего хорошего это не дало. Тогда нас отправили в Новосибирск в филиал клиники Федорова. Но, чтобы прооперировать девочку там, нам надо 2690 рублей. Таких денег у меня нет. В колхозе мне вообще денег не платят (рассчитываются продуктами), а муж безработный. Помогите, пожалуйста. Ведь, если катаракту не лечить, она перейдет на второй глаз и девочка совсем ослепнет. А ей срок нынче осенью в школу идти. Валентина Титова, Алтайский край

Уважаемые работники Российского фонда помощи! Спешу сообщить, что те 3,9 млн старых рублей, которые добрые люди прислали после публикации моего письма в журнале «Домовой», я положил в Сбербанк. Прошу прощения за то, что не использовал деньги по назначению — на приобретение мотоблока: на хороший мотоблок этих денег мало, а плохой покупать — только деньги терять. А хороший мотоблок минского завода стоит вдвое дороже. Если сможете, то помогите, пожалуйста. Я, правда, сумел бы скопить миллион старыми, да пришлось его потратить, собирая троих своих школьников к 1 сентября, еще и не хватило. Еще сообщу, что жена совсем плоха стала. Завтра повезу ее на вторую онкооперацию в Киров. Покус у нас нынче опять будет за 8 км от деревни, в одиночку да пешком с косой много не поработаешь. Есть у меня хорошая специальность — печник, но сейчас в наших краях не строятся. Так что надо держаться за землю и как-то кормиться ею. Пока до свидания, ваш Михаил Петров, Кировская обл.

Мотоблок уральского производства, о котором написал в своем первом письме витекский инвалид Михаил Никитич, ко времени, когда нашлись деньги, существенно подрос в цене и одновременно полностью утратил доверие односельчан. «Это просто дорогая тарактелка», — пришли они к выводу, увидев, как новый мотоблок развалился при первой же вспашке огорода. «Прех тратить чужие деньги на бесполезную вещь, правда?» — грустно сообщил Михаил Никитич нашему сотруднику. И тот согласился. Самым же надежным местные крестьяне считают белорусский мотоблок. На него Петров и нацелился (и, как выяснил наш сотрудник, альтернативы в Кирове просто нет). В Кирове мотоблок МТЗ стоит 8 тысяч деноминированных рублей, плуг к нему — 215, а телега — еще 1,6 тысячи. Таким образом, Петрову необходимы как минимум еще 4 «новых» тысячи, а если с «навесными орудиями», то 5815.

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 956-71-87.

Адрес Российского фонда помощи: 125252 г. Москва, а/я 50.